

**О.И. БРУСИЛОВСКАЯ**

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США:  
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Современные внешнеполитические концепции США базируются на серьезных теоретических разработках. Концептуальные основы тех или иных школ американской политологии весьма разнятся, среди них можно выделить во многом

антагонистичные подходы школ “политического реализма” (У. Липпман, Г. Моргентау, Дж. Кеннан, Г. Киссинджер) и “модернистов” (школу, основанную Куинси Райтом). Но ни “реалисты”, ставящие главным принципом “интерес” в политике и исходящие из идеала “баланса сил” в международных отношениях, ни “модернисты”, с их теорией “фактов”, силу которых определяют материальные, а направление - моральные факторы, не помогают понять как в реальности складывается американская стратегия в том или ином регионе.

Вероятно, чтобы выявить наиболее общие основы американской внешней политики, нужно вернуться к истокам ее формирования, проследить традиции, которые сложились на рубеже 18-19 вв. и, как в дальнейшем будет показано, во многом проявляются и сегодня. Это должно помочь объяснению истоков противоречивости американской внешней политики, о которой так много писалось после революций в Восточной Европе 1989 г., когда США почти устранились от решения региональных проблем, не находя ни новой концепции международных отношений, ни сил для переосмысления своей роли в изменившемся мире. В некоторой мере это было обусловлено всей историей единственной в современном мире сверхдержавы, представляющей собой борьбу двух начал: прагматизма и морализаторства.

В данной работе морализаторским назван такой подход к политике и международным отношениям, который опирается не на нормы, закрепленные законом, а на традиции, чувства, воспроизводящиеся силой массовых привычек, оценкой общественного мнения. Опираясь на понятия “добра” и “зла”, морализаторство содержит понимание назначения, смысла, цели общества, истории, человека. При этом подходе оценивается не только действие, но и его мотивы. Морализаторский подход призывает руководствоваться не целесообразностью, а императивом долга, даже если это предполагает “жертвы” и не ведет к успеху в краткосрочной перспективе. Морализаторский подход, опираясь на обычаи и религиозные догмы, зачастую отвергает компромисс как средство достижения цели.

Прагматизм в той же мере присущ американскому менталитету, что и морализаторство. Появившиеся в конце 19 века философы-прагматики обвиняли идеалистов в “отрыве от жизни”. Их целью было обоснование примата “дела, действия”, основанного исключительно на опыте. Долг мыслителей-прагматиков помочь

практикам преодолевать сомнения (которые рассматривались лишь как помехи действиям), выбирать средства для достижения цели. Отвергая абстрактные категории, прагматики понимали истину как “полезность” и сделали ее критерием “успех”. Ослабевая с конца 30-х годов XX века как философское направление, прагматизм стал перманентно усиливаться как стиль политического мышления. Прагматиков от политики отличало особое внимание к скрупулезному просчету всех вариантов, прежде чем выбрать путь к конкретной цели. При этом их цели совсем не обязательно отличались от целей моралистов.

О концептуальных основах американской внешней политики много писали такие авторы как А. Шлезингер, С. Хантингтон, А. Янов, З. Бжезинский, Г. Киссинджер и многие другие. Из работ последних лет можно упомянуть труды Г. Виарда и Р. Куглера. Г. Виарда делит всех американских исследователей на “политических реалистов” и считает, что именно это является главным разграничителем в их взглядах, а не защита “изоляционизма” или “интервенционизма” и не что-то другое<sup>1</sup>. Р. Куглер выделяет три течения современной американской мысли:

1) “идеализм”, (который он начинает от В. Вильсона), характеризуемый как принцип “невинности внешней политики”. Сегодня, по мнению Куглера, “идеалисты” борются за создание всеобъемлющей системы коллективной безопасности,

2) “реализм”, по его мнению характеризующий современное состояние дел более верно, включающий понимание неизбежности регионального дисбаланса,

3) “пессимизм”, представителями которого являются З. Бжезинский, Г. Киссинджер, С. Хантингтон, А. Вилдавски. Эти авторы связывают установившийся в современном мире климат неопределенности с вероятностью глобальной анархии в будущем из-за неконтролируемого страха<sup>2</sup>.

США с первых дней своего существования отстаивали свое особое положение в мире и международных отношениях. Первые страницы их истории были написаны выдающимся прагматиком. Уже в сентябре 1776 года Джон Адамс, будущий президент и один из виднейших теоретиков-интеллектуалов среди отцов-основателей США, создал “План договоров”, где главной является мысль, что США должны не дать втянуть себя в европейские интриги и войны. Американцы, таким образом, творчески восприняли традиционное кредо англичан: “У Англии нет постоянных союзников, а есть

постоянные интересы”. Адамс прямо заявляет, что США не должны заключать политических союзов, а их главный интерес оставаясь нейтральными, торговать со всей Европой. На этих принципах был построен Версальский мирный договор 1783 г. - крупнейшая победа молодой американской дипломатии. Слово “интерес” не один раз звучит также из уст Джорджа Вашингтона: “Ни в одной нации доверие не должно простирается дальше пределов ее интереса”<sup>3</sup>. Да и понятие “баланса сил” не является изобретением XX века. У Джона Адамса читаем: “В Европе имеется баланс сил. Он создан природой. Он утверждён практикой и привычкой и должен существовать вечно. Он может быть нарушен на какое-то время вследствие случайного перемещения центра политики, но будут предприниматься постоянные усилия по восстановлению равновесия... Конгресс принял эти принципы и эту схему в чистом виде”<sup>4</sup>. В тот момент, действительно, поддержание европейского баланса было необходимой гарантией американской независимости. Усиление Англии или Франции было одинаково небезопасно для США. Именно поэтому первый госсекретарь США, Томас Джефферсон, занявший особое место в американском правительстве (что не было формально закреплено, а стало традицией в американской политической системе), выступил против изоляционизма, отстаиваемого Конгрессом, за создание дипломатических миссий в ведущих европейских странах.

Таким образом, отцы-основатели в своей внешней политике руководствовались прагматически понимаемым национальным интересом. Однако, по мере того как США превращались из третьестепенной державы во второстепенную, присоединяя все новые территории, во внешнеполитической практике все больше стала сказываться религиозная этика правящей элиты США - этика кальвинизма, еще усиленная присущей эпохе Просвещения борьбой с авторитетами и нарождающимся пафосом демократизма.

Протестантскую основу можно обнаружить в формирующихся в начале 19 века идеях американской нации как нации-спасительницы, не имеющей ничего общего с “погрязшей в грехах” Европой. Образование США, воспринимавшееся поначалу их создателями как “Эксперимент”, через пятьдесят лет внушило американцам огромную уверенность в своей непогрешимости и праве указывать другим народам, каким путем следует им идти. Блестящей характеристикой эпохи остались многочисленные труды известных религиозных деятелей начала века. Из речи

протестантского проповедника Уинтропа: “Нам не следует заблуждаться относительно того, что мы понимаем под независимостью. Поступать сообразно желаниям своим - порочно. Истинная свобода заключается в том, чтобы без страха совершать доброе и справедливое. Эту святую свободу мы обязаны защищать и жертвовать ей своей жизнью”<sup>5</sup>. Парадокс заключается в том, что эти слова взяты не из проповеди, а из речи Уинтропа в суде, куда он был привлечен за беззакония, творимые во вверенной ему общине. Однако высокий стиль так воздействовал на присяжных, что Уинтроп был оправдан. Возможно именно это время было эпохой, когда зарождалась новая мораль в обществе - мораль ханжеская, агрессивная, торжествующая над здравым смыслом, попирающая, а зачастую заменяющая собой обычное право, закон. Эта мораль была исключительно нетерпимой к любого рода инакомыслию. В 1812 - 1814 гг., во время войны с Англией, одна из балтиморских газет высказывалась против ее продолжения. Фанатичная толпа в один прекрасный день разгромила редакцию. Журналисты были отправлены в тюрьму, однако ночью “патриоты” взяли ее штурмом и забили до смерти “виновных” - недостаточно лояльных к общественному мнению. Суд присяжных оправдал убийц...

Эти примеры взяты из работы крупнейшего исследователя Америки нового времени Алексиса де Токвиля, особо интересовавшегося спецификой американского национального характера и мышления. Токвиль нашел, что американцы живут в самообожании, с готовностью отрицая все то, чего не могут понять. Иностранцев они “неотступно преследуют своими ожиданиями похвал, а если вы не уступаете их настоятельным просьбам, они хвалят себя сами”<sup>6</sup>. В характере американцев Токвиль находит немало смешных черт: “Если бы они были вынуждены заниматься лишь своими собственными делами, их жизнь наполовину потеряла бы свой смысл”<sup>7</sup>. Токвиль, один из отцов социологии, первый исследователь менталитета североамериканской нации, связал его особенности с особенностями социально-политического строя в США. Он пришел к выводу, что именно в демократических странах, совершенным образцом которых были США, люди испытывают особую склонность к абстрактным словам. Именно к словам, так как философия в американском обществе не пользуется признанием и поддержкой. Но “абстрактное слово подобно шкатулке с двойным дном: вы можете положить в нее любые идеи и незаметно для посторонних глаз забрать их назад”<sup>8</sup>. С американской идеей

свободного экспериментирования произошла еще большая трансформация, чем со склонностью к абстрагированию. Уже президент Зекари Тейлор, окончательно отбросив сомнения в жизнеспособности американской демократии, которые так мучили отцов-основателей, провозгласил полный “успех американской восхитительной системы, самой лучшей в мире”<sup>9</sup>. “Мы - Израиль нашего времени. Бог предопределил, а человечество ожидает, что мы свершим нечто великое. Политический мессия пришел в нас!” Эта яркая формулировка-лозунг принадлежит не политику или журналисту, а одному из наиболее почитаемых, наиболее “американских” классиков литературы - Герману Мелвиллу<sup>10</sup>. Идея богоизбранности Америки, несущей свет миру, победила. Начиная с середины 19 века судьбой нации должно было стать мессианство. В области внешней политики оно преломилось как идея более активного вмешательства в европейские дела. “Интервенционизм”, ставший лозунгом южан из “Молодой Америки”, имел серьезную идеологическую подоплеку: американские демократы были убеждены в своем моральном праве судить о справедливости и законности тех или иных режимов в Старом Свете.

Однако большинство власть предержащих понимало, что США структурно ослаблены и не обладают необходимым потенциалом для реализации масштабной внешнеполитической программы. Не случайно в том наборе тактических средств и методов, которой складывается в середине 19 века и остается неизменным многие десятилетия, главное место занимают дипломатические, а не военные инструменты. Должна была произойти гражданская война и реконструкция Юга, а затем длительный период накопления сил, прежде чем США вышли на мировую арену в новом качестве. Морализаторские идеи отчетливо прослеживаются в теоретической и практической деятельности Вудро Вильсона, признанного одним из основателей идеологии американского универсализма. В 1919 году в одной из речей президент сказал: “Я верю, что Америка содержит в себе духовную энергию, которой ни одна другая нация не в состоянии направить на освобождение человечества. В ходе великой войны Америка обладала неограниченной привилегией исполнить предначертанную судьбу и спасти мир”<sup>11</sup>. Таким образом, после 1 мировой войны мессианская мораль стала реальной силой в политике США. И если в 30-е годы в Америке вновь возобладал “изоляционизм”, то период после 2 мировой войны стал периодом невиданного накала борьбы мнений по вопросам внешней политики,

когда США выступили как сверхдержава, могущая диктовать свою волю большей части цивилизованного мира. Драматичным для Америки этот период стал из-за непрерывной борьбы прагматической и морализаторской идей, а вовсе не из-за угрозы со стороны социалистического лагеря. Образ врага стал необходимым элементом американского видения, культуры, склонной к черно-белым антагонизмам, к жестокому противопоставлению своей страны и враждебного внешнего окружения. Один из ведущих американских политологов Беннет Ковриг отмечал, что весь послевоенный период определялся противоборством “реальной политики” и идеалистически определяемой политики прав человека<sup>12</sup>.

Американская идеология, часто характеризуемая как “консервативная гибкость”, по мнению российского политолога А.И. Никитина на протяжении всей истории отличалась наличием нескольких главных “стержней”, таких как 1) сознание экспериментального характера американского развития, 2) универсализация американского опыта, ценностей и идеалов. 3) представление об исключительности Америки и ее предназначения в мире, избранности ее миссии и имперских устремлениях, 4) утопическая направленность “ролевых представлений” в спектре “изоляциялизм” - “интервенционизм”, 5) ценностный дихотомизм глобалистских представлений и т.д.<sup>13</sup>

Некоторая ревизия основных принципов американской политики была проведена историографами в США в 70-80-е гг. Первый подход ревизионистов - моралистский - исходил из несовместимости “имперской” политики с ценностями свободы, плюрализма, демократии. Второй подход - прагматический - трактовал нереальность *Rex americana* в новых условиях. В национальных интересах США было скорее установление “нового мирового порядка”, основанного на взаимозависимости. В 90-е гг. новые реальности создали новые условия для критики американской внешнеполитической идеологии. После “эры золотого консерватизма” наступила эра возрожденной *Realpolitik*. В работе Дж. Ная предлагается теория “многоуровневого взаимодействия”: США разделяет груз ответственности с другими странами через международные организации, но защита прав человека по всему миру остается американской задачей. Баланс сил предлагается сменить балансом интересов<sup>14</sup>. Однако в книге бывшего президента Р. Никсона “Лови момент. Американский шанс в однополярном мире” современное состояние дел названо “последним шансом стать

полными хозяевами в мире”, пока новые центры силы (Китай, мусульманский мир) только формируются. Принцип “баланса сил” подвергается автором сомнению<sup>15</sup>.

Во время второй предвыборной кампании Б. Клинтон снова заговорил об идеализме, о поддержании демократии во всем мире. С другой стороны, демократы не воюют с демократами, т.о. эта точка зрения приемлема и для прагматиков. Что же ждет американскую политику в перспективе? Новый мир, мир после “холодной войны” изменил многие представления. По мнению С. Хантингтона наиболее важным стало разделение народов по культурным, а не политическим, экономическим или социальным признакам. “Региональная политика сегодня - это этническая политика. Глобальная политика - это политика цивилизаций... В будущем возможен конфликт незападных культур с Западом на цивилизационном уровне”. А основой цивилизации является ее идеология - религиозная и светская. Т.о., сбрасывать со счетов идеологический пласт американской политики по меньшей мере рано. Что касается необходимости сформировать новый “образ врага”, то многие очень солидные американские авторы уже сегодня пишут, что самым серьезным вызовом 21 века может стать возрождение “русской силы”...

#### ПРИМЕЧАНИЯ:

- <sup>1</sup> Г. Виарда. Внешняя политика без иллюзий. Рецензия.-США:ЭПИ, 1991.-№ 6.
- <sup>2</sup> Р. Куглер. К опасному миру. Рецензия.-США: ЭПИ,1996.-№ 4.
- <sup>3</sup> Шлезингер А. Циклы американской истории.-М.,1992.-С.80.
- <sup>4</sup> Hutson J. Intellectual Foundations of Early American Diplomacy// Diplomatic History.-1977.-№13.
- <sup>5</sup> Токвиль А. де. Демократия в Америке.-М.,1992.-С.53.
- <sup>6</sup> Там же.-С.443.
- <sup>7</sup> Там же.-С.191.
- <sup>8</sup> Там же.-С.357.
- <sup>9</sup> Шлезингер А. Указ.соч.-С. 90.
- <sup>10</sup> Там же.-С.31.
- <sup>11</sup> Там же.-С.106.
- <sup>12</sup> Kovrig B. Of Walls and Bridges//The United States and Eastern Europe. N.Y.-L.,1991.-P.19.
- <sup>13</sup> Никитин А.И. Эволюция американского глобализма. Идеальная борьба в США по вопросам о роли Америки в мире.-М.,1987.-С.105.



<sup>14</sup> Най Д. Какой новый мировой порядок?-США: ЭПИ, 1992.-№1.-  
С. 4-12.

<sup>15</sup> Р. Никсон. Лови момент. Американский шанс в однополярном мире. Рецензия.-США: ЭПИ, 1992.-№ 5.